

Н. М. Минский

На общественные темы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. М. Минский**
На общественные темы / Н. М. Минский – М.: Книга по Требованию, 2013. –
310 с.

ISBN 978-5-458-09125-1

Издание второе.

ISBN 978-5-458-09125-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

знаменемъ въ рукахъ. И что же? Эта прогулка достигла цѣли. Жители Берлина устроили оваціи королю и даже привѣтствовали его императоромъ.

Нѣмецкая свобода, прогуливавшаяся подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ германскаго единства, должна была неминуемо угодить въ желѣзныя объятія Бисмарка, равно какъ французская революція, отправившись въ путь съ пѣсней: „Allons, enfans de la patrie“, неминуемо должна была придти въ объятія къ „règne de la patrie“, къ новому цезарю.

Всѣ эти и подобныя примѣры наглядно показываютъ, что каждая революція имѣетъ свои индивидуальныя черты, свою психологію. Но для того, чтобы эти черты не казались случайными, мы должны раскрыть внутреннюю сущность революціоннаго движенія, его историческую идею, основной мотивъ движенія, то, что можно назвать первопричиной революціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея конечной цѣлью. Только сдѣлать это нелегко — по той причинѣ, что идея каждой революціи находится въ неразрывной связи съ идеей предшествующей ей эволюціи, того мирнаго развитія, которое привело къ перевороту. Революція неизбѣжно наступаетъ въ исторіи народа лишь тогда, когда эта исторія пришла къ внутреннему противорѣчію. Не зная идеи этой исторіи, мы не поймемъ наступившаго противорѣчія. Революція въ этомъ отношеніи похожа на водопадъ, который образуется тогда, когда мирно текуція воды подошли къ обрыву и, не умѣя течь назадъ, должны низринуться вспѣненнымъ потокомъ. Обширность и сила водопада опредѣляется предшествующими данными, многоводностью рѣки, наклономъ русла, шириной устья. Такъ же неизбѣжно наступаетъ революція, когда исторія народа выродилась во внутреннее противорѣчіе, и такъ же неразрывна связь между силой революціи и глубиной этого противорѣчія. Возвращаясь къ нашей темѣ, мы видимъ, что для опредѣленія идеи

На общественныя темы Идея личности въ русской исторіи.

освободительнаго движенія необходимо заранѣе опредѣлить идею русской исторіи, уяснить то внутреннее противорѣчіе, къ которому привелъ весь ходъ нашей исторической жизни. Задача наша, такимъ образомъ, страшно осложняется и затрудняется, такъ что разрѣшить ее мы въ состояніи только въ самыхъ общихъ намекающихъ чертахъ.

II.

Наше освободительное движеніе въ такой же мѣрѣ отличается отъ революціи европейскихъ народовъ, въ какой русская исторія отлична отъ исторической жизни остальной Европы. Основнымъ фактомъ европейской исторіи была развивающаяся личность, основнымъ ея мотивомъ — борьба за существованіе и власть. Историческій процессъ въ Европѣ заключался въ постоянномъ столкновеніи личностей, отдѣльных или, для большей силы, объединенныхъ въ сословія и классы, и въ этомъ столкновеніи, подобно прибрежнымъ валунамъ въ прибоѣ, личность шлифовалась, дифференцировалась, самоопредѣлялась.

Поэтому европейская революція не была отрицаніемъ предшествующаго историческаго процесса, а лишь его видоизмѣненіемъ, перемѣщеніемъ центра тяжести изъ одного сословія въ другое, съ сохраненіемъ основного мотива жизни: развитія творческой личности и борьбы за власть. У насъ же историческій процессъ пришелъ къ своему отрицанію.

Чѣмъ объясняется такое различіе въ направленіи судебъ Европы и Россіи? Почему личность, эта живая творческая клѣтка европейской культуры, у насъ такъ рано обезсилѣла и обмерла? Это — одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые историкъ будетъ вѣчно ставить себѣ, не находя опродѣленного отвѣта, такъ какъ исторія человѣчества совершается однажды и экспериментальной провѣркѣ не подлежитъ. Можетъ быть, существуютъ какіе-то вѣчные типы и для

народныхъ организмовъ, какъ для отдѣльныхъ людей. Можетъ быть, судьба народа зависитъ отъ условій среды, въ которыхъ онъ живетъ. Изъ всѣхъ такихъ условій наиболѣе очевидными по своимъ результатамъ кажутся намъ условія географическія. Человѣческая личность, для того, чтобы начался ростъ заложенныхъ въ ней культурныхъ силъ, нуждается въ нѣкоторой безопасности, во временной защитѣ отъ разрушительнаго дѣйствія внѣшнихъ враждебныхъ силъ, подобно тому, какъ ростокъ нѣжнаго цвѣтка нуждается на время въ прикрытіи отъ рѣзкихъ атмосферическихъ перемѣнъ. Эту защиту отъ враждебныхъ силъ даютъ личности естественныя границы — воды морскія и рѣчныя, горные хребты. Почувствовавъ себя въ безопасности, личность немедленно начинаетъ расти и крѣпнуть, добывать орудія для защиты и борьбы. Вотъ почему въ странахъ, расположенныхъ на островахъ и полуостровахъ, и лучше всего защищенныхъ отъ внѣшнихъ нападений, — въ Англіи, въ древней Греціи, въ Италіи и въ Японіи — всего раньше начался процессъ самоопредѣленія личности, всего пышнѣе расцвѣла культура, всего раньше добыта была свобода, которая есть ни что иное, какъ равнодѣйствующая многихъ личныхъ самосознаній. Въ мѣстностяхъ гористыхъ совершался такой же процессъ, хотя слабѣе и медленнѣе. На какой страницѣ вы ни раскроете исторію любого европейскаго народа, вы прочтете повѣсть о борьбѣ личностей, союзовъ, сословій. Исторія Европы — сплошной турниръ, сначала между церковью и государствомъ, затѣмъ феодальныхъ владѣльцевъ между собою, потомъ городского сословія противъ дворянства и духовенства и, наконецъ, въ наши дни, рабочаго класса противъ капиталистовъ. Первая борьба между императорами и папами была особенно благодѣтельна для культуры.

Къ счастью для Европы, церковь поступала вопреки слову Евангелія, монахи дѣйствовали вопреки

обѣтамъ нищеты и смиренія искали власти и вступали въ борьбу съ государствомъ изъ-за власти. Это столкновение родило самыя яркія искры средневѣковой мысли. Оба меча, духовной и свѣтской власти, не ржавѣли, а, постоянно ошибаясь, острились одинъ о другой. Монастыри превращались въ такія же твердыни индивидуальнаго самосознанія и гордости, какъ и замки; въ духовныхъ орденахъ личность приобрѣла такой же закаль, какъ и въ рыцарствѣ. Закаль же личности означаетъ ни что иное, какъ ея способность къ культурному творчеству, къ созиданію предметовъ, знаній, формъ общежитія, всего того, что мы обнимаемъ общимъ опредѣленіемъ: „культура“. Борясь между собой, церковь и государство побуждали другъ друга къ культурному творчеству: церковь — орудіемъ теологіи и схоластической науки, рыцарство — исканіемъ высшихъ формъ общежитія. Иногда церковь и государство мирились между собой, и въ этихъ пунктахъ касанія возникали такія чудеса культуры, какъ поэзія Данте, какъ живопись Боттичелли. Въ то же время личность гранилась и закалялась во внутренней борьбѣ феодаловъ между собой, въ ихъ непрерывныхъ турнирахъ, состязаніяхъ, набѣгахъ и войнахъ. Когда вы проѣзжаете по средней и южной Европѣ и видите развалины рыцарскихъ замковъ на вершинѣ холмовъ, знайте, что эти холмы — истинные фундаменты нашей современной культуры. Только благодаря этимъ естественнымъ твердынямъ, могла окрѣпнуть личность рыцаря, а подъ угрозой его меча закалилась личность горожанина и мѣщанина. Горе дѣлало слабого сильнымъ, сила же рождала силу. По образцу рыцарскихъ твердынь на вершинахъ холмовъ, стали возникать укрѣпленія на равнинѣ, вокругъ городовъ. По образцу рыцарскаго ордена, и ремесленники сплачивались въ корпораціи и цехи — для защиты противъ феодальнаго владыки и для борьбы съ нимъ. Подъ прикрытіемъ городскихъ стѣнъ выросла

настоящая, уже не схоластическая, а опытная наука, и родилась новая гражданственность и свобода.

Мы знаемъ всё, какую роль сыграли городскія общины въ борьбѣ между баронами и королемъ, бывшимъ такимъ же барономъ, какъ другіе, только болѣе сильнымъ. Лишь при помощи городскихъ общинъ, т.е. будущаго третьяго сословія, королевскому дому удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ власть. Такимъ образомъ возникъ монархизмъ, съ ореоломъ внѣшняго всемогущества, но внутренно неустойчивый, такъ какъ отъ тайлъ въ себѣ неразрѣшимое противорѣчіе. Короли достигли власти при помощи третьяго сословія, а, достигнувъ ея, отдѣлили себя отъ народа стѣнной придворной знати и провинціальной аристократіи, которымъ и передали власть надъ городомъ и деревней. Выходило, что городскія общины сами себя ограбили и наказали. Когда это противорѣчіе раскрылось народному сознанию, революція должна была вспыхнуть и королевская власть исчезнуть. Но революція нисколько не коснулась принципа государственности. Новое революціонное вино было влито въ старые псевдо-классическіе мѣха централизаціи, военной славы и національнаго шовинизма. Революція не только не препятствовала, но еще способствовала государственному процессу, напимѣръ, въ Германіи и Италіи, гдѣ борьба за свободу была однимъ изъ стимуловъ національнаго объединенія и образованія новыхъ обширныхъ государствъ изъ прежнихъ мелкихъ. Даже такой борецъ за свободу, какъ Гарибальди, находился подъ обаяніемъ идеи государственнаго единства, и на привѣтствіе толпы отвѣчалъ, поднявъ палець: *Una!* Единая Италія! Революція, парламентаризмъ, республика, — все это разные этапы на одномъ пути, разныя воплощенія одного и того же начала: культурно-творческой, борющейся за власть личности.

III.

Ничего подобнаго не было у насъ въ Россіи, гдѣ личность оказалась не творцомъ, а жертвой историческаго процесса, можетъ быть, потому, что Россія больше другихъ была удалена отъ морей и лишена горъ. Отсутствіе естественныхъ границъ — вотъ нашъ тысячелѣтній недугъ, исканіе границъ — вотъ нашъ тысячелѣтній кошмаръ. Лишенная естественныхъ границъ, личность не чувствовала себя въ безопасности, не начинала расти и развиваться. Еще въ началѣ, когда центръ русской исторіи сталъ складываться на окраинахъ, въ Новгородѣ, въ Кіевѣ, личность какъ будто просыпается для жизни, а вмѣстѣ съ нею даютъ первые ростки культура и гражданственность. Но по мѣрѣ того, какъ этотъ центръ передвигается въ необъятную русскую равнину, поближе къ Москвѣ, отсутствие естественныхъ границъ становится рокомъ всего народа. Некогда было сосредоточиться, отдохнуть, начать жить для себя. Надо было постоянно ждать не нападенія, нашествія, набѣга опредѣленнаго сосѣда, которые изощряютъ и поддерживаютъ собственную энергію, а нападенія невѣдомо кого и невѣдомо откуда, разрушительнаго, обезсиливающаго разлива враждебной стихіи. Со всѣхъ сторонъ открытые горизонты, вѣчное стояніе на распутьѣ ста дорогъ. Въ особенности роковое значеніе для народной психологіи имѣло татарское нашествіе и не столько по матеріальнымъ, сколько по нравственнымъ послѣдствіямъ. Татары, въ сущности, мало вмѣшивались во внутреннюю жизнь народа, довольствуясь данью и внѣшними знаками покорности. Но воображеніе народа было навсегда потрясено, парализовано испугомъ. Вся Россія, какъ одинъ человекъ, сознала ужасъ своей судьбы; для всѣхъ стала очевидной невозможность культурнаго строительства. Нельзя воздвигать зданіе среди Сахары, подъ угрозой песчаныхъ урагановъ.

Нельзя закладывать фундаментъ на морскомъ днѣ, на время обнаженномъ въ часы отлива и вскорѣ опять затопляемомъ волнами. При отсутствіи границъ, эта песчаная степь, этотъ враждебный океанъ грозили Россіи со всѣхъ сторонъ: они были вездѣ и нигдѣ.

Врагомъ русской земли стала сама земля, ея „величіе и изобиліе“, безкрайность, безграничность, отсутствіе границъ. Мать своимъ тѣломъ наваливалась на собственное дитя, грозя его задушить. Первое дѣло культуры, прокладываніе дорогъ, связываніе своего родного угла со всей страной въ одно живое цѣлое, стало невозможнымъ въ московской Руси. Равнина и безъ того обманываетъ своего жителя мнимой легкостью сообщеній. Зачѣмъ строить дороги, когда земля сама стелется скатертью, какъ дорога? Но, помимо этого, прокладывать дороги казалось опаснымъ, ибо ими можетъ воспользоваться „ворогъ“, непріятельская орда. При отсутствіи же дорогъ весенняя и осенняя распутица прерывали на цѣлые мѣсяцы общеніе между людьми. Отсутствіе границъ вело къ бездорожью, бездорожье къ безлюдью, а безлюдье къ отсутствію внутренней шлифовки, которую даетъ личности борьба за превосходство, за власть, даже грубая борьба за блага жизни, конкуренція. Отсутствіе этой борьбы привело къ умаленію личной энергіи, къ усыпленію потребностей, къ заспанности, къ обезличенію.

IV.

Но отсутствіе естественныхъ границъ имѣло для насъ еще болѣе роковыя послѣдствія. Оно было причиной того, что исторія Россіи превратилась въ процессъ собиранія земли и созиданія единаго государства, которое не стояло бы на распутьѣ ста дорогъ, а упиралось бы въ моря и горы, которое не боялось бы нашествія дикихъ ордъ, а само покорило бы всѣ народы и племена, живущіе въ предѣлахъ этихъ горъ и морей. Дѣйствительно ли необходимъ для бытія

Россіи былъ этотъ процессъ собиранія и покоренія или нѣтъ, рѣшить нелегко. Важно то, что необходимость эту признавалъ въ свое время весь русскій народъ, отъ князя до землепашца, отъ воина до священника. Всѣ равно вѣрили, что собираніе земли отъ моря до моря въ единое государство и защита этого государства составляютъ не только самое жизненное, но единственно жизненное дѣло всякаго гражданина. Подъ вліяніемъ этой вѣры русская личность уже не по принужденію, а добровольно отказалась отъ своего первородства. А такъ какъ культура создается только личностью и только въ борьбѣ за гегемонію и власть, то неудивительно, что всѣ сословія прозябали у насъ внѣ культуры, въ потемкахъ одичанія. Этотъ мракъ нельзя даже объяснять тѣмъ, что Россія лежала вдали отъ очага культуры. Съ принятіемъ изъ Византіи греческой вѣры, Россія вошла въ соприкосновеніе съ античнымъ міромъ, но вслѣдствіе захуданія личности не въ силахъ была развитъ въ себѣ принятое извнѣ сѣмя. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, не изъ самыхъ значительныхъ. Въ X вѣкѣ тѣ же самые византійскіе мозаичисты, которые украшали церкви во Флоренціи и Венеціи, работали также и въ Кіевѣ. И что же мы видимъ? Въ Италіи византійская мозаика принесла плоды: подъ ея вліяніемъ выросло самобытное искусство Чимабуэ, потомъ Джіотто, до великихъ художниковъ Возрожденія. Въ Россіи зерно заглохло и не дало ростковъ. личности талантливья и гениальныя возникали среди народа, но отцвѣтали, не расцвѣтши, и правъ былъ О. Буслаевъ, говоря, что „однообразіе и неразвитость религіознаго, полу-византійскаго стилия разныхъ пошибовъ русской иконописи вполне соотвѣтствуютъ такому же коснѣнію древней Руси до XII столѣтія и въ литературномъ, и вообще въ умственномъ отношеніи“. Вотъ почему въ то время, когда стѣны сикстинской капеллы покрывались безсмертными фресками, московскіе князья, занятые собираніемъ земли, жили въ деревянныхъ хоромѣхъ-

избахъ и воздвигали при помощи выписанныхъ мастеровъ храмы въ чужомъ стилѣ съ причудливыми куполами въ формѣ дынь и огурцовъ.

Наше духовенство, въ отличіе отъ европейскаго, со свѣтскою властью не состязалось, а, подобно другимъ сословіямъ, самовольно уступало свои прерогативы князю во имя собиранія земли. Въ великіе моменты этого собиранія русскіе святители, какъ Сергій Радонежскій, становятся почти оруженосцами князя. Въ остальное время они прозябаютъ въ тѣни своихъ монастырей, безъ библіотекъ и картинъ, не занимаясь ни теологіей, ни свѣтской наукой, внѣ борьбы, внѣ власти. Церковь учительская занималась тѣмъ, что свидѣтельствовала передъ народомъ о божественномъ происхожденіи власти. Церковь подвижническая освящала и оправдывала умаленіе личности, и народъ тысячами посѣщаль обители этихъ подвижниковъ, ища какого-нибудь оправданія для своего собственнаго историческаго подвига. Церковная проповѣдь смиренія и святительскій примѣръ смиренія еще рѣзче опредѣлили сложившуюся подъ вліяніемъ многовѣковой исторіи столь необычайную, столь непонятную для европейца, двойственную, двухполярную психологію русскаго крестьянства. На одномъ полюсѣ, обращенномъ къ государству, къ отысканію и охраненію его границъ, — безпримѣрное самопожертвованіе и энергія на другомъ полюсѣ, обращенномъ къ своей собственной личности, — столь же безпримѣрная апатія и нетребовательность. Лучшій воинъ въ мірѣ и худшій въ мірѣ земледѣлецъ — русскій народъ мирился съ такой нищетою и грязью, съ коими почти несомѣстимо сознание человѣческаго образа. Но велика была вѣра народа въ призваніе государственной цѣлости, такъ велика, что мысль о цѣльной счастливой личности казалась ему грѣхомъ, почти преступленіемъ. Въ своемъ деревенскомъ быту, куда княжеская власть не вмѣшивалась, народъ устраивался такъ, что личность

стиралась въ мірѣ и общинѣ, а не развивалась, въ нихъ. Даже тогда, когда возмущенная личность протестовала и бѣжала за волей въ широкую степь, даже тогда, уже совершенно добровольно, она все же продолжала прежній подвигъ, становилась на стражѣ границъ государства (днѣпровское казачество), или искала новыхъ границъ (казачество уральское). Изъ всѣхъ сословій крестьянство больше другихъ пострадало отъ историческаго процесса въ матеріальномъ отношеніи и меньше другихъ — въ нравственномъ. Умаленіе личности отзывалось на крестьянствѣ только страданіями и жертвами, а жертва, на какой бы алтарь она ни была принесена, всегда очищаетъ. Вотъ почему слѣды культурнаго творчества въ московской Руси встрѣчаются только въ крестьянской массѣ. Такъ называемый „русскій стиль“ былъ созданъ только въ деревнѣ, русская пѣсня выросла только въ крестьянствѣ, былины сохранились только въ мужицкомъ быту. Любопытная черта: во всѣхъ странахъ простой народъ говоритъ на испорченномъ „ratois“, чистый же языкъ составляетъ преимущество привилегированныхъ сословій; у насъ, наоборотъ, чистая великорусская рѣчь сохранилась только въ народной средѣ, и Пушкинъ учился языку у своей крестьянки-няни. Можно принять, какъ законъ, что чѣмъ выше какое-либо сословіе стояло у насъ въ государственномъ рангѣ, тѣмъ ниже оно стояло въ отношеніи культуры.

V.

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что въ культурномъ отношеніи наше боярство и дворянство стояло гораздо ниже тѣхъ, кого прежде называли голью, а теперь называютъ босяками. Боярство московской Руси не выработало никакихъ формъ рыцарской культуры, не создало никакого стиля, не украсило общежитія никакимъ благородствомъ. Психологія боярства отличалась такою же полярностью, какъ и